

5. Карсавин Л. П. Основы политики // Евразийский временник. – Париж, 1927. – Кн. 5. – 275 с.
6. Кедров Б. М. Классификация наук и прогноз К. Маркса науки будущего. – М. : Мысль, 1985. – 543 с.
7. Кукса Л. П. Критерии оценки Российских реформ и их социологический анализ // Социальные взаимодействия в транзитивном обществе : сб. ст. – Новосибирск : Изд-во НГУЭУ, 2009. – Вып. XI. – С. 4–17.
8. Наше общее будущее: доклад Междунар. комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР). – М. : Прогресс, 1989. – 371 с.
9. Кукса Л. П. Интегральная социология: синтез классического, неклассического и постнеклассического подходов в познании общества/ Социальные взаимодействия в транзитивном обществе. – Новосибирск : Изд-во НГУЭУ, 2008. – Вып. X. – С. 7–17.

УДК 316.3/.4 + 122/129

«ОБЩЕСТВО»: СТАТУС СУЩЕСТВОВАНИЯ

Г. А. Антипов, А. З. Фахрутдинова (Новосибирск)

Обсуждается вопрос, в каком смысле обществу может быть приписан статус существования. Предлагается возможная интерпретация понятия «социальное». Показывается, что данное понятие занимает в процессах социального познания место, аналогичное тому, которое занимает понятие материи в естественнонаучной картине мира. Суждения о «смерти общества», присутствующие в дискурсе современной социологии, свидетельствуют о плохом понимании (в подобных случаях) границ компетенций философии (методологии науки) и собственно науки. Обосновывается необходимость, намечаются пути формирования адекватной научной картины социального мира.

Ключевые слова: социология, философия, общество, материя, социальное, феноменология.

«SOCIETY»: THE STATUS OF EXISTENCE

G. A. Antipov, A. Z. Fakhrutdinova (Novosibirsk)

There is discussed a question in what sense it is possible to ascribe the status of existence to the society. One possible interpretation of the concept of the “social” is presented. It is shown that this concept in the processes of social cognition occupies a place which is similar to the place, occupied by the notion of matter

Антипов Георгий Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных основ государственной службы Сибирской академии государственной службы.

630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6.

E-mail: dr-eji2@yandex.ru

Фахрутдинова Амина Зиевна – доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления Сибирской академии государственной службы.

630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6.

E-mail: faamina@yandex.ru

in the natural-scientific world picture. The opinions about "the death of society", being present in the contemporary sociology, testify to poor understanding of the scopes of philosophy and science. The necessity of forming a scientific picture of the social world is substantiated, and the ways of such formation is presented.

Key words: *sociology, philosophy, society, matter, social, phenomenology.*

Дело в том, что общество (имеется в виду, конечно, понятие «общество») многими членами социологического сообщества давно «отпето и похоронено». Ибо, как говорится, «со словом «общество» не связано однозначного представления. Даже то, что обычно обозначают как социальное», не имеет никакой однозначно объективной референции» [1, с. 15]. Не существует никаких обществ, существуют только индивиды, взаимодействующие между собой. Может кого-то удивить, но нечто подобное можно было услышать от К. Маркса (правда, раннего периода). В «Немецкой идеологии» читаем: «предпосылки, с которых мы начинаем, – не произвольны, они – не догмы; это – действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем» [2, с. 18].

На констатации «смерти общества» можно было бы и не обращать внимания – как на причуды профессионалов, ведь, как известно, «специалист подобен флюсу». Однако же та горячность, с которой сами специалисты-социологи дискутируют по поводу категорий «общество» и «социальное», от подобной поспешности останавливает. Правда, в некоторых случаях эти дискуссии невольно инициируют ассоциации с сюжетом фантастического рассказа К. Лассвица [20, с. 197–207], в котором изобретатель, открыв способ безболезненного уменьшения человека в пространстве и времени, переносится на поверхность мыльного пузыря, только что выдутого его сыном. Оказалось, что там были разумные обитатели, которые горячо спорили о происхождении своей «планеты», и при этом разделились на две партии. Одна партия утверждала, что мир состоит из жира и щелочи и существует извечно. Другая же полагала, что «мир выдут устами исполина, имя коего Рудипуди».

Тем не менее, и вопросы, мучающие «мыльнопузырников», и вопрошания социологов о «чтойности» общества и социального отнюдь не лишены смысла. Во-первых, они апеллируют к пониманию предмета самой социологии как науки. Конечно, для того, кто занят в «нормальной» («нормальной», по Т. Куну [21, с. 47–64]) науке, подобные вопросы представляются всегда «архитектурным излишеством». Социология, скажет он, – это то, чем занимаются социологи. Но тому, кто призван обучать студентов социологии, профанов по определению, объяснять предмет социологии приходится по необходимости. Во-вторых, налицо отсыл к пониманию эпистемологического устройства научной социологии. Для «нормального» социолога подобное тоже представляется всегда занятием довольно праздным. И в этом, конечно, есть своя правда. Но не вся, правда. Водить автомобиль, притом хорошо это делать, можно, конечно, вовсе не задумываясь о принципах работы двигателя. Однако строить или совершен-

ствовать данные средства передвижения без подобного знания вовсе невозможно.

История науки вполне определенно демонстрирует, что и ее возникновение и дальнейшее развитие были обеспечены именно разработками ее познавательного механизма, «новыми органами», «рассуждениями о методе» и т. п.

В своей лекции «О методе теоретической физики» А. Эйнштейн писал: «если вы хотите узнать у физиков-теоретиков что-нибудь о методах, которыми они пользуются, я советую вам твердо придерживаться следующего принципа: не слушайте, что они говорят, а лучше изучайте их работу. Тому, кто в этой области что-то открывает, плоды его воображения кажутся столь необходимыми и естественными, что он считает их не мысленными образами, а заданной реальностью. И ему хотелось бы, чтобы и другие считали их таковыми» [3, с. 181]. Действительно, пока познавательный механизм науки нормально работает, зачем брать в голову, почему и как это ему удается.

Иначе дело обстоит в ситуациях, когда начинаются сбои. Несколько иное рассуждение находим у того же Эйнштейна: «часто и, конечно, не без основания говорят, что естествоиспытатели – плохие философы. Не казалось ли бы тогда естественным, чтобы физик представил заботы о философствовании философу? Так на самом деле и надо было поступить в те времена, когда физик верил, что он располагает прочной системой законов и основных понятий, установленных настолько твердо, что волны сомнений не могли их касаться. Но это уже перестало быть справедливым в такую эпоху, как наша, когда проблематичными стали даже самые основы физики. В настоящее время, следовательно, когда эксперимент заставляет нас искать новый и более солидный фундамент, физик уже не может просто уступить философу право критического рассмотрения теоретических основ; он, безусловно, лучше знает и чувствует, в чем слабые стороны этой основы. В поисках нового фундамента он должен стараться полностью понять, до какого предела используемые им понятия обоснованы и необходимы» [3, с. 200]. Правда, видимо, полагая это само собою разумеющимся, Эйнштейн не добавил, что физик (вообще всякий специалист-ученый), обращаясь к теоретическим основам своей науки, вынужден играть по иным правилам, нежели те, к которым он привык, ибо философия, при всей дискуссионности данной темы, тоже несет в себе определенную специализацию.

Нечасто (особенно это касается социологов), но вспоминают здесь не Конта, а Канта. Последний же полагал, что философствование как форма синтетического познания совершенно невозможно, «истина только в опыте». Вывод Канта: «величайшая и, быть может, единственная польза всякой философии чистого разума только негативна: эта философия служит не органом для расширения, а дисциплиной для определения границ, и, вместо того чтобы открывать истину, у нее скромная заслуга; она предохраняет от заблуждений» [4, с. 622].

Кантовский тезис открывает более перспективный путь к идентификации философии, чем кантовский закон трех стадий, сохраняя за философией (метафизикой) определенный локус в общенаучной традиции. Тем более,

что всем этим, по нашему мнению, собственно, и задается смысловое поле для интерпретации категорий «общество» и «социальное». Притом в модальности, заявленной, к примеру, на методологическом семинаре лаборатории экономико-социологических исследований ГУ ВШЭ «К понятию социального»: попытаться дать операциональное определение социальному [5].

В своем известном трактате П. Бергер и Т. Лукман замечают, между прочим, что «включение эпистемологических вопросов, касающихся обоснованности социологического знания в социологию знания, отчасти напоминают попытки толкать автобус, в котором ты едешь сам» [6, с. 13]. Нам, однако, подобные попытки не представляются такими уж безнадежными. Обнадёживает именно кантовская трактовка пользы эпистемологии.

Философия есть философствование, то есть рефлексия в плане предельных оснований человеческого бытия. Непосредственным предметом рефлексии становятся формы мышления, как они представлены в мыслящем «Я». Если в научном познании мышление ориентировано всегда во вне относительно мыслящего, то философская рефлексия интровертна. Согласно традиции, ее предметом считается душевно-духовный мир человека. По Э. Гуссерлю, это мир феноменов. С этой точки зрения вполне приемлем тезис, согласно которому феноменология – момент всякой философии [см. : 17].

Но, используя выражение М. Мамардашвили, можно сказать, что феноменология есть и сопутствующий момент всякой социологии. На данное обстоятельство, мельком обращал внимание еще Маркс, утверждая, что «как вообще во всякой исторической, социальной науке, при развитии экономических категорий нужно постоянно иметь в виду, что как в действительности, так и в голове дан субъект» [7, с. 732]. Будучи продуктами философской рефлексии, «феномены» по своей сути симметричны «явлениям» в арerefлексивном научном исследовании. Здесь-то и кроется узел основных теоретико-познавательных коллизий социальных наук. Эмпирия социолога – мир феноменов, но подлежащий эмпирическому исследованию, а соответственно, и требованиям научной рациональности.

Сложившись в опыте естествознания с его интенцией на познание объективных законов природы, научная рациональность требует, чтобы предмет, действительность, «чувственность» брались только в форме объекта, а не как человеческая «чувственная деятельность», практика, не субъективно [2, с. 1]. В традиционно философской номенклатуре подобное именуется материализмом. Материя – объективная реальность, данная в ощущениях. Тогда возникает сакраментальный вопрос: как возможна «социальная материя»? Предложенные в виде выхода из противоречия «материалистическое понимание истории», оно же «исторический материализм», оказались паллиативом, приведшим на деле к вульгарным формам экономического детерминизма. Причина в «схлопывании» двух планов осознания объективной реальности, присущем, несмотря на оговорки, и «отцу-основателю» марксизма, и, в еще большей степени, «марксидам», как их обзывал А. Герцен.

Во-первых, может иметься в виду объективная реальность обнаруживаемых в практике и эксперименте постоянно воспроизводимых явлений, инвариантных относительно целей практической деятельности. Например, подброшенное тело всегда падает на землю, некоторые признаки расте-

ний и животных всегда наследуются при скрещивании и т. п. Формированию естественнонаучных дисциплин, как правило, предшествовало обнаружение в процессах практической деятельности некоторых повторяющихся (независимо от человека) моментов, проявлявшихся с целыми классами вещественных феноменов. Категория материи (показательно: у греков – это «материал») возникает как рефлексия данного аспекта бытия. Как говорил Шопенгауэр, материалист считает, что мыслит материю, в то время как на самом деле он мыслит субъекта, представляющего себе материю, глаз, который ее видит, руку, которая ее осязает, рассудок, который ее познает. «Тем не менее, цель и идеал всякого естествознания в основе своей – это вполне проведенный материализм» [8, с. 73–74].

Во-вторых, речь может идти об объективной реальности культурной формы. Согласно основному правилу эмпирического исследования для социологии (в формулировке Дюркгейма), «социальные факты нужно рассматривать как вещи». Это, однако, не значит, «что социальные факты – это материальные вещи; это вещи того же ранга, что и материальные вещи, хотя и на свой лад» [9, с. 394]. Не будучи вещами (телами), социальные факты не тождественны и проявлениям индивидуального сознания. По отношению к ним социальные факты даны некоторым внешним образом и обладают «принудительной силой». Как писал Дюркгейм, «они не только не являются продуктами нашей воли, но и сами определяют ее извне. Они представляют собой как бы формы, в которые мы вынуждены отливать наши действия» [9, с. 433].

В «Методологии социологии» можно найти и искомое операциональное определение социального: «социальным фактом является всякий способ действий, устоявшийся или нет, способный оказывать на индивида внешнее принуждение; или иначе: распространенный на всем протяжении данного общества, имеющий в то же время свое собственное существование, независимо от его индивидуальных проявлений» [9, с. 421]. Что касается собственно эмпирического исследования социальных явлений, то и Дюркгейм, по сути, ввел здесь феноменологическую компоненту.

Особый специфический статус социальной реальности со времен Платона обсуждается в традиции философской рефлексии – правда, отчетливую социальную экстраполяцию свойственный ей подход получил лишь у К. Поппера [см. : 15] в его концепции «третьего мира». Одна из основных аббераций марксизма заключается в «овеществлении» социальной реальности, отождествлении объективности определенных аспектов человеческого бытия с объективностью физического мира, как он задан человеку в процессах практической деятельности. По истине – это (в смысле Ф. Бэкона, конечно) «демон Маркса». Хороший репрезентатор козней этого «демона» – бытовавшее представление о путях построения коммунистического общества как о создании «материально-технической базы» коммунизма. По умолчанию принималось, что завершение этой циклопической стройки осуществится как бы само собой. Разве что потребуются некоторые очевидные по своему характеру усилия по воспитанию «нового человека».

Итак, слухи о «смерти общества» можно считать преувеличенными. Правда, это «другая жизнь», нежели жизнь социальных фактов, социальной эмпирии. С позиций эмпирической данности суждения вроде того, что

не существует такой вещи, как общество, а существуют индивидуальные мужчины и женщины и их семьи – совершенно справедливы. Ровно так же, как не существует и такой вещи, как материя. Ограничимся ссылкой на Энгельса: «материя как таковая – это чистое создание мысли и абстракция. Мы отвлекаемся от качественных различий вещей, когда объединяем их как телесно существующие под понятием материи. Материя как таковая, в отличие от определенных, существующих материй, не является, таким образом, чем-то чувственно существующим» [10, с. 570].

«Общество» живо и живет вполне полноценной жизнью в измерении методологической рефлексии социолога. Поэтому «нормальный» социолог, по определению не испытывающий позывов выхода из своей парадигмы, с ее жесткой дисциплинарной матрицей решения задач-головоломок, в terra incognita экстраординарного исследования, будет смотреть на «общество» как на нечто, к делу не относящееся. Все это – философия, скажет он, а нам нужны конкретные предложения. Если же исходить из презумпции, согласно которой методологическая рефлексия есть существенный механизм развития науки, а тому можно привести много верифицирующих примеров, то без фундаментальных понятий типа материи, общества и т. п. обойтись никак невозможно.

Нельзя не вспомнить казус с «исчезновением материи» в обстоятельствах революции в физике на рубеже XIX–XX вв. Ленин совершенно справедливо увязал это исчезновение с путаницей двух контекстов: собственно научного и гносеологического, философского [14, с. 131]. Материя физика и материя философа – суть понятия разного статуса. Когда физик пользуется понятием «материя», он имеет в виду эмпирически (в ощущениях) данные характеристики макротел, элементарных частиц, электромагнитного поля и т. п. Как гносеологическая категория, материя не имеет эмпирического статуса, почему, конечно, и исчезать не может.

Конечно, идиосинкразия современных социологов по отношению к «обществу» может иметь под собой вполне здоровую реакцию на сохраняющиеся до сих пор в социальном знании «родимые пятна» социософии – аналога натурфилософии в естествознании, от которых, физика, к примеру, давным-давно избавилась. В России же абсолютное господство государственно утвержденной социософии длилось без малого почти столетие. И та и другая – продукты схлопывания «зрения» и «умозрения». Формирование науки предполагает их растождествление, а не вынесения последнего за скобки, как полагал О. Конт [см. : 22, с. 553–577].

Концепт общества является базовым элементом картины социального мира, как концепт материи – естественнонаучной картины мира. Перефразируя известное ленинское определение материи [14, с. 131], можно было бы сказать: общество есть философская категория для обозначения объективной идеальной реальности, данной нам в умозрении (рефлексии). «Идеализм, – справедливо полагал Э. Ильенков, – не следствие элементарной ошибки наивного школьника, вообразившего грозное привидение там, где на самом деле ничего нет. Идеализм – это совершенно трезвая констатация объективности идеальной формы, то есть факта ее независимого от воли и сознания индивидов существования в пространстве человеческой культуры» [11, с. 150].

По принятому в философии науки мнению, научная картина мира должна содержать представление о фундаментальных элементах бытия, из которых полагаются построенными все виды реальности, изучаемые данной наукой. Для физической картины мира подобное представление исторически было задано античной атомистикой. Формирование социальной картины мира аналогичного бонуса не получило. Рассуждая ретроспективно, на эту роль могла бы претендовать монадология Лейбница, хотя мы и отдаем себе отчет в сложности обоснования данного тезиса. Стоит лишь отметить, что монады, в качестве элементов социальной картины мира, будут столь же радикально отличаться от эмпирически данных социальных монад как и атомы Демокрита от атомов современной физики. Непосредственно для социолога эти монады выглядят, допустим, как идеалы, нормы и ценности. Тем не менее, ученым-социологом они должны восприниматься «вещами самими по себе» (ноумены) ровно так же, как атомы воспринимаются ученым-физиком. А упоминавшиеся выше индивидуальные мужчины и женщины и их семьи – как феномены (явления), но именно в смысле Канта, но не Гуссерля.

Но если общества не существует для упертого эмпирика, то все-таки для социолога, не чуждого теории, оно не может испариться вообще. Правда, в современном социологическом дискурсе чаще пользуются понятием социума. Социум – общество в целом. Это принципиально ненаблюдаемый объект, тем не менее, реальность его существования, пожалуй, поддается лучшему обоснованию, чем реальность существования «черных дыр» в астрофизике. Эмпирические данные в этом случае интерпретируются в контексте ОТО, теории, экспериментально не подтвержденной для соответствующих условий. Объективный характер существования социальной реальности подтверждается множеством «наблюдательных» данных. Как, допустим, в следующих случаях (примеры К. Поппера): «нельзя вводить тарифы на сельскохозяйственную продукцию и в то же время снижать стоимость жизни»; «не бывает общества с централизованным планированием и с системой цен, функционирующих как рыночные»; «невозможно осуществить политическую реформу и избежать при этом последствий, нежелательных с точки зрения конечных целей этой реформы»; «нельзя провести политическую реформу, не укрепляя сил оппозиции по мере развертывания реформы»; «человек, получивший власть над другими людьми, не может не испытывать соблазна злоупотребить ею, причем чем больше власть, тем больше соблазн; и мало кто способен ему противиться» (закон коррупции лорда Эктонна) [см. : 15, с. 23–26].

Все представленные этими примерами отношения и зависимости являются объективными, имеющими бытие, независимое от нашей воли и желания. Присущее марксистской традиции различие «материальных» и «идеологических» отношений, из которых первые (экономические, производственные) обуславливают вторые, внесло в социологический дискурс значительные искажения, донельзя вульгаризировав ее исходные послышки (что отчасти, признавалось самим Энгельсом) [16, с. 420].

Материализм, как было показано, есть мировоззренческая установка научной рациональности, генерировавшаяся в горизонте естествознания. В этом смысле он тождественен натурализму. Формирование знания на-

учного типа в сфере социального осуществлялось путем инверсии сюда идеалов научной рациональности, основанной на опыте естествознания. О. Конту с его социальной физикой предшествовал И. Кант. Его «всеобщая история» (социальное знание еще мыслилось в форме истории) была своего рода «социальной механикой», представляемой по образцу небулярной гипотезы, изложенной Кантом во «Всеобщей естественной истории и теории неба» [17, с. 25].

Альтернативой натуралистической исследовательской программе явилась антинатуралистическая исследовательская программа Гегеля. Согласно Гегелю, всемирная история есть «прогресс в сознании свободы, прогресс, который мы должны познать в его необходимости» [18, с. 19].

Маркс, отождествлявший, подобно предшественникам, социальное знание с социально-историческим, претендовал как будто на синтезис натуралистической и антинатуралистической программ. Позиция эта совершенно четко представлена в «Тезисах о Фейербахе». Действительность, социальную реальность следует представлять как деятельность, практику, а не только «в форме объекта».

Синтезис, однако, не получился. Прежде всего, по двум причинам. Маркс не преодолел соблазна той формы детерминизма, который присущ естествознанию. Более того, механистической версии детерминизма. Вопреки исходным прокламациям, материалистическое понимание истории выносило за скобки аспекты человеческой субъективности, целенаправленность и свободу. Общественное бытие определяет общественное сознание, базис определяет надстройку, личность – продукт общества и т. п. Впрочем, эпизодически Маркс подходил к адекватному преодолению крайностей натурализма и антинатурализма – идее обратной связи. Но всякий раз «зарывал» этот «талант» в землю материалистического понимания истории. Ведь иначе пришлось бы признать, что и надстройка определяет базис, и общество – продукт личностного творчества. Вторая причина – вера в исторические законы сами по себе, «с железной необходимостью» ведущие к устройению самого справедливого общества. Их действию нужно лишь слегка помочь, скажем, сократив и смягчив «муки родов» этого общества. Как можно видеть, Маркс «натурализировал» даже сократовскую майевтику.

Полагаем, введенные различия могут послужить основаниями для интерпретаций тех или иных аспектов управления социальными процессами, того, что обычно находит выражение в понятиях социальной инженерии или социального конструирования. Допустим, имеют ли гносеологическое оправдание толки об особой «русской модели управления», в отличие от «западной»? Казалось бы, в первом приближении, ответ должен быть отрицательным. Ведь сразу же напрашиваются ассоциации с арийской физикой, мичуринской биологией и т. п. Известно, однако, что первые впечатления бывают и ошибочными.

Переводя наше обсуждение в план управления социальными процессами, что требует взглянуть на социальную реальность как на «материал» целенаправленных изменений, позволительно выделить три типа онтологий (метафизических картин, как сказал бы Т. Кун [см. : 21]): биоморфную, техноморфную и социоморфную.

Характерная иллюстрация для первой у Маркса – его метафора революции как «повивальной бабки» истории. А вот суждение М. М. Сперанского: «истинный преобразователь общества – скорее Садовник, нежели Строитель... общество человеческое не есть здание, каковое обновить можно враз, перестроив своды, перебрав стены, но более походит на сад, для обновления которого тот много сделал, кто умел избрать и насадить первый корень, хотя одно время и стечение стихии может возрастить дерево» [цит. по: 12, с. 116]. Заметим, если бы Поппер знал о Сперанском, то взял бы его, несомненно, союзником в своем опровержении того, что называл «утопической инженерией». И едва ли справедлива характеристика, данная нашему реформатору В. О. Ключевским: «приступив к составлению плана государственных реформ, он взглянул на наше отечество, как на большую грифельную доску, на которой можно чертить какие угодно математически правильные государственные построения» [13, с. 200].

Неприемлема для Сперанского, таким образом, и та метафизическая картина, которая может быть названа техноморфной. В самом общем смысле она предполагает уподобление социальной системы машине (неважно, часам, или, в наше время, ЭВМ). В этом смысле показательны метафоры «винтика», «перековки» и т. п., фигурировавшие в эпоху раннего социализма. «Одно из главных правил лиц управляющих, – говорил наш реформатор, – должно быть знать свой народ, знать время <...> Теории редко полезны для практики. Они объемлют одну часть и не вычисляют трения всей системы, а после жалуются на род человеческий!» [12, с. 116].

Адекватной онтологией для представления моделей социального управления должна стать социоморфная онтология – в том понимании социальной реальности, которая коррелируется с антинатуралистической исследовательской программой в социальном познании. Социальная реальность есть объективная идеальная реальность, индицируемая рефлексией. Наличие особой объективной физической реальности – магнетизма констатируется простым наблюдением, хотя само электромагнитное поле в наблюдении не дано. Существование объективной социальной реальности (допустим, зависимости предложения от спроса) не только не дано в наблюдении, но и констатировано может быть лишь исключительно феноменологически, ибо ни то, ни другое не суть тела, вещи. Между прочим, хорошее понимание данного обстоятельства приносит неплохие дивиденды Дж. Соросу. Хотя сама по себе метафора «алхимии финансов» более изыщна, нежели эпистемологически точна.

На категориальном уровне основная особенность социальной реальности акцентируется понятием свободы. Она, как говорил Бердяев [см.: 19, с. 192–193], есть «первичное бытие».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Луман Н.** Общество как социальная система. – М. : Логос, 2004. – 232 с.
2. **Маркс К., Энгельс Ф.** Немецкая идеология // Соч. – 2-е изд. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1955. – Т. 3. – 629 с.
3. **Эйнштейн А.** О методе теоретической физики // Собр. науч. тр. – М. : Наука, 1967. – Т. IV. – 599 с.

4. **Кант И.** Критика чистого разума // Соч. : в 6-ти т. – М. : Прогресс, 1963–1966. – Т. 3. – 678 с.
5. **Радаев В. В.** К понятию социального. – [Электронный ресурс]. – URL: www.hse.ru/news/recent/16456859.html
6. **Бергер П., Лукман Т.** Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
7. **Маркс К., Энгельс Ф.** Введение: из экономических рукописей 1857–1858 гг. // Соч. – 2-е изд. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1958. – Т. 12. – 879 с.
8. **Шопенгауэр А.** Мир как воля и представление // Собр. соч. : в 5-ти т. – М. : Московский Клуб, 1992. – Т. 1. – 395 с.
9. **Дюркгейм Э.** О разделении общественного труда. Метод социологии. – М. : Наука, 1990. – 575 с.
10. **Энгельс Ф.** Диалектика природы // Соч. – 2-е изд. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1961. – Т. 20. – 827 с.
11. **Ильенков Э. В.** Проблема идеального // Вопросы философии. – 1979. – № 6. – С. 143–157.
12. **Томсинов В. А.** Светило российской бюрократии: исторический портрет М. М. Сперанского. – М. : Мол. гвардия, 1991. – 229 с.
13. **Ключевский В. О.** Сочинения : в 9 т. – М. : Мысль, 1989. – Т. 5. – 476 с.
14. **Ленин В. И.** Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – М. : Издательство политической литературы, 1968. – Т. 18. – 525 с.
15. **Поппер К.** Ницета историцизма // Вопросы философии. – 1992. – № 9. – С. 22–48.
16. **Энгельс Ф., Маркс К.** Письмо К. Шмидту 5 авг. 1890 // Соч. – 2-е изд. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1963. – Т. 37. – 819 с.
17. **Ангинов Г. А., Кочергин А. Н.** Проблемы методологии исследования общества как целостной системы. – Новосибирск : Наука, 1988. – 258 с.
18. **Гегель Г.-В.-Ф.** Философия истории // Соч. : в 14 т. – М.–Л. : Соцэкгиз, 1935. – Т. VIII. – 479 с.
19. **Бердяев Н. А.** Самопознание: опыт философской автобиографии. – М. : Мысль, 1990. – 220 с.
20. **Лассвиц К.** На мыльном пузыре // Зарубежная фантастика. – Смоленск : Смядынь, 1991. – 208 с.
21. **Кун Т.** Структура научных революций. – М. : АСТ ; Ермак, 2003 – 365 с.
22. **Антология** мировой философии : в 4 т. – М. : Мысль, 1971 – Т. 3. – 760 с.

УДК 008 + 008

E-LEARNING И ОБРАЗОВАНИЕ: НОВОЕ КАЧЕСТВО ИЛИ НОВЫЕ БОЛЕЗНИ?

О. А. Евтуш (Новосибирск)

E-learning несет в себе не только позитивные возможности, но и мало учитываемые опасные негативные тенденции в системе образования. Они проявляют себя в условиях потребительства (консюмеризма) и вли-

Евтуш Олеся Анатольевна – кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и технологий Сибирской академии государственной службы.
630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6.
E-mail: videl-17@mail.ru